

Ржавчина и полюнь

Анастасия Смирнова

Анастасия Смирнова

Ржавчина и полынь

<https://litres.ru/74384014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир держится не на свете и благодетстве. Мир держится на Реестре.

Рыцарь привык, что за всё нужно платить. Но когда Печать, сдерживающая Бездну, начинает гнить, он узнает страшную правду: древний артефакт, способный спасти мир, не принимает ни золота, ни крови. Слепой Счетовод мироздания, Асурис, требует пустоты.

А Рыцарь набит мертвецами до отказа. Вина за павших братьев, спасенные жизни и проклятые души давно вытеснили из него всё живое. Чтобы магия заработала, ему придется сделать невозможное: отпустить тех, кого не смог уберечь.

Путь, где каждый шаг стоит крови. И где главная битва предстоит не с демонами, а с собственным отражением на металле.

Мрачное, тактильное и пронзительное тёмное фэнтези о цене искупления, тяжести долга и о том, что даже у самого чёрного Реестра в конце концов заканчиваются чернила.

Содержание

Глава 1. Ржавчина на Печати	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ржавчина и полынь

Глава 1. Ржавчина на Печати

Печать не просто трещала — она гнила.

Это чувствовалось не глазами, а кожей: в воздухе висела липкая, сладковатая вонь распада, словно сама реальность покрылась незаживающими язвами. Над горизонтом не зрела буря — небо просто истончалось, просвечивая насквозь чем-то древним и голодным. Тени в замке стали гуще, они не просто ложились на камень, а въедались в него, впитывая скудный свет факелов.

В библиотеке было холодно, но этот холод шёл не от сквозняка. Рыцарь перебирал старые манускрипты, и его покрытые шрамами пальцы оставляли на хрупком пергаменте влажные следы. Лунный свет, пробиваясь сквозь витражное окно с рунами, давно утратившими смысл, падал на его шлем, превращая сталь в кривое зеркало. В этом отражении угадывались очертания умирающего зала: лабиринт стеллажей, тонущих в полумраке, и паутина трещин в каменных стенах, по которым стекали капли влаги, похожие на слёзы камня. Где-то в недрах замка глухо капала вода. Кап. Кап. Ритм, неотличимый от тиканья часов, отсчитывающих последние секунды перед казнью.

В груди привычно заныло — не сердце, а совесть. Она

въелась в душу, как ржавчина в забытый клинок: не убивала сразу, но медленно разъедала изнутри, не позволяя ни забыть, ни простить ни единого промаха. Торопиться нельзя. Спешка лишь умножит ошибки. А отсидеться не выйдет — он слишком совестлив для этого, да и бежать уже некуда.

Он нашёл нужную строку. Древний язык корчился на странице, как засохшие вены. Артефакт. Ведьма. Чёртова гора.

— Молодых бы учить, а не по горам Ведьму искать, — хрипло пробормотал он в пустоту. Голос звучал чужим, надтреснутым. В этих словах не было мудрости старца, только горечь человека, который понял, что кроме него эту помойку убирать некому.

Путь на Чёртову гору занял дни, но Рыцарь помнил лишь холод. Ветер здесь выл не от того, что дул, а от того, что скалы сами выли, раздирая себе глотки. Воздух был разрежённым, колючим, каждый вдох царапал лёгкие битым стеклом.

Дом Ведьмы не вписывался в привычный облик жилья. Он не был построен — он вырос из гниющей плоти горы, как нарост. Стены из неровных камней, скреплённых чем-то тёмным и вязким, напоминающим запекшуюся кровь. Узкие окна-щели сочили тусклым, болезненно-зеленым светом. Вокруг дома теснились растения с листьями-когтями; они шевелились без ветра, поворачиваясь к нему, словно слепые пиявки, чующие тепло живой крови. Тропинка была выложена слишком ровными камнями — кто-то очень тер-

пеливый и очень злой обтачивал их веками.

Рыцарь толкнул перекошенную дверь. Петли взвизгнули, как раненая птица.

Внутри пахло не серой и не смертью, как он ожидал. Внутри пахло жизнью. Густой, терпкий аромат сушёной полыни, чабреца, озона и чего-то кислого — будто время здесь оседало слоями, и каждый слой бродил. Этот запах ударил в нос, и Рыцарь на секунду зажмурился, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный комок. После запаха гари и тлена, которым пропитался его мир, эта жизнь казалась почти оскорбительной.

Потолок нависал низко. В центре комнаты утробно хлопотала тяжёлая печь. На столе, среди осколков зеркал и ступок, лежали пучки трав, похожие на высохшие пальцы.

Ведьма сидела у окна. Она перебирала чётки из тёмных, матовых косточек. Тук. Тук. Тук. Звук был таким ритмичным, что казалось: это она отсчитывает удары его сердца. Она выглядела уставшей, плечи опущены, но лицо оставалось пугающе молодым — годы не старили её, а лишь накидывали поверх юности тонкую вуаль из теней и цинизма.

— Нашли-таки, ироды, — голос её прозвучал тихо, но в маленькой комнате он отразился от стен, как удар хлыста.

Рыцарь не ответил сразу. Он медленно снял шлем. Металл глухо звякнул о стол, и этот звук нарушил хрупкое равновесие комнаты. Его лицо было серым, покрытым пылью дорог и сетью глубоких морщин. Он провёл ладонью по щетине,

стирая пот, и на мгновение перестал быть грозным Командором Гвардии. Он был просто сломанным мужиком, который слишком долго носил на себе то, что не полагалось носить одному.

— С какой стати в полной броне явился? — Ведьма не подняла глаз, продолжая перебирать костяшки. — Аль думал, дракон тут обитает? Так сгинул он давно. Лишь хребет из горы торчит, да и тот мхом порос.

— Какова цена? — голос Рыцаря был ровным, но каждое слово давалось ему так, будто он выталкивал из горла камни. — Золото? Реликвии? Кровь?

Ведьма наконец подняла взгляд. В её глазах не было ни жадности, ни мудрости. Только бесконечная, звенящая скука.

— Деньги мне не нужны, железо переплавлю на гвозди, а кровь у тебя и так жидкая, — она снова зашелестела чётками. — Ступай отсюда, Командир. Печать прорвётся — умрёте все разом. Быстро это будет, без боли. Мне так даже удобнее.

Рыцарь не двинулся. Он медленно, со скрежетом, опустил руку на рукоять меча. Не чтобы угрожать — просто чтобы упереться, не дать коленям согнуться.

— Я не уйду.

— Устанешь стоять, — усмехнулась она, но улыбка не коснулась глаз. — Вы, фанатики, все одинаковые. Думаете, если наденете тяжёлое железо, то сможете удержать небо.

— Я сказал, я не уйду. Скажи цену. Я заплачу.

Ведьма вздохнула. Звук был таким старым, что, казалось, по стенам пошли трещины. Она поднялась, подошла к нему вплотную. От неё пахло не магией, а горелым волосом и мокрой землёй. Она заглянула ему в лицо.

— Ты думаешь, я торгуюсь? — прошептала она. — Ты думаешь, артефакт просит золота? Он просит пустоты. А ты, Рыцарь, забит под завязку. Ты набит мертвецами так, что места для себя не осталось.

Она ткнула его костяным пальцем в нагрудник. Звук был глухим.

— Отрежь их от себя. Откажись от тех, кого не уберёг. Скажи, что ты их бросил, что они для тебя — просто мясо. Сможешь?

Рыцарь сжал челюсти так, что заскрипели зубы. В груди поднялась чёрная, тошнотворная ярость.

— Ты не имеешь права...

— Не имею? — она рассмеялась, сухо и зло. — Тогда иди спасай свой мир своим правым плечом, ирод. Дверь вон там.

Он стоял ещё долго. Смотрел на её тонкие пальцы, перебирающие костяшки. Понимал, что она не блефует. И понимал, что не может этого сделать. Не сейчас. Его вина была единственным, что делало его живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.